

Exclusion in the City Space: the Italian Experience

Elizaveta D. Zakuraeva

Higher School of Economics in St. Petersburg. Saint Petersburg, Russia
 Email: [elizabeth.zakuraeva\[at\]gmail.com](mailto:elizabeth.zakuraeva[at]gmail.com)

Abstract

This article draws attention to the problems of exclusion and building frontiers in urban space. At the same time, the focus of the study is concentrated on the systematic nature of the formation of cultural exclusion zones at different time intervals in the history and culture of the Apennine Peninsula, that is, on the territory of the modern Italy. The reflection of exclusion in the city, which occurs throughout the urban history of Italy, is reflected and fixed in the history of Italian culture and art and in the phenomena of building physical and symbolic boundaries, marginalization and appropriation of space associated with this phenomenon.

This work is intended to prove the need to transform the erroneous position that exclusion is characteristic only of a modern city, a megapolis as a product of globalization, while the exclusion of an individual in an urban environment and the development of urban civilization are two interrelated and simultaneous processes that are developing over the centuries.

Taking into account the affects and experience of fixing exclusion in the urban cultural spaces of the Apennine Peninsula, the author comes to the conclusion that the history of urban culture fixes the presence of exclusion, which is characteristic of the individual living in the urban space from the very moment the city appeared and the corresponding subject-centric urban culture, the existence in which unfolds in the space of subordination, overcoming borders or resistance to the social order it gives rise to. All of these factors also affect the identity of the subject of urban everyday life. Italy, traditionally understood as the cradle of civilization and world culture, provides one of the most representative experiences of building, fixing, reflecting and experiencing exclusion in the urban environment due to the evolutionary process of changing and crossing different cultures.

Keywords

Exclusion; Urban Identity; Italy; Apennine Peninsula; Symbolic Boundaries; Urban Space; Philosophy of the City; Borders; Urban History; Italian Culture

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Отчуждение в пространстве города: ИТАЛЬЯНСКИЙ ОПЫТ

Закураева Елизавета Дмитриевна

Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, Россия
Email: elizabeth.zakuraeva[at]gmail.com

Аннотация

Данная статья обращает внимание на проблемы эксклюзии, выстраивания фронтиров в городском пространстве. При этом фокус исследования сосредоточен на систематическом характере формирования зон культурного отчуждения на разных временных интервалах истории и культуры Апеннинского полуострова, то есть на территории современного итальянского государства. Рефлексия отчуждения в городе, возникающего на протяжении городской истории Италии, отражается и фиксируется в истории итальянской культуры и искусства и в связанных с этим феноменом явлениях выстраивания физических и символических границ, маргинализации и присвоения пространства.

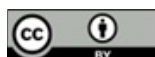
Исследовательская работа призвана доказать необходимость трансформации ошибочного положения о том, что отчуждение свойственно лишь современному городу, мегаполису как продукту глобализации, в то время как отчуждение индивида в городской среде и развитие городской цивилизации – два взаимосвязанных и симультанных процесса, развивающихся на протяжении столетий.

Принимая к рассмотрению аффекты и опыт фиксации отчуждения в городских культурных пространствах Апеннинского полуострова, автор приходит к выводу о том, что история городской культуры фиксирует присутствие отчуждения, характерного для обитания индивида в городском пространстве с самого момента появления города и соответствующей субъектоцентричной городской культуры, существование в которой разворачивается в пространстве подчинения, преодоления границ или сопротивления рождаемому ей социальному порядку. Все перечисленные факторы влияют и на идентичность субъекта городской повседневности. Италия, традиционно понимаемая как колыбель цивилизации и мировой культуры, дает один из наиболее репрезентативных опытов выстраивания, фиксации, рефлексии и переживания отчуждения в городской среде благодаря эволюционному процессу смены и пересечения различных культур.

Ключевые слова

отчуждение; городская идентичность; Италия; Апеннинский полуостров; символические границы; городское пространство; философия города; границы; городская история; итальянская культура

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

В данной работе мы будем рассматривать такое явление, как отчуждение индивида в городское среде, а именно, то, как феномен отчуждения развертывается и осмысливается в культурном поле истории и современности Италии. Отчуждение человека, несмотря на введение этого термина в философский дискурс и объяснение феномена Г. Гегелем, дальнейшее преобразование термина у К. Маркса, что прочно связало это явление с этими именами, в данной работе рассматривается в рамках фронтальных исследований. Отчуждение человека в городской среде не связывается напрямую с отчуждением труда, но, безусловно, имеет его в своей основе, хотя марксово «отчуждение» всё же неразрывно связано с отчуждением человека от себя самого, от других людей и от природы. Нами, в городских исследованиях, оно понимается, как неотъемлемая характеристика социального механизма города, как сознательно волевого продукта и самостоятельного организма, на протяжении всего исторического складывания и развития городской культуры, которая демонстрирует диалектику общего-единичного, публичного-частного. Отчуждение человека в пространстве города – феномен, свидетельствующий о парадоксальности человеческого бытия: человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам, результатам и, в конечном счете, самому себе, отстраняется от других субъектов городской жизни. Общественные отношения существуют в форме отношения вещей, деперсонифицируя фигуру человека, ощущающего бессилие, бессмысленность, аномию и изоляцию. Человек живет на фронтире – границе между миром-собственным продуктом и миром-вытеснившим своего пользователя-творца. Вышеописанный феномен стал неотъемлемой частью опыта существования человека в городе, его идентичности, социокультурного и психологического аспекта его личности.

Мы не можем ожидать от города открытости, органичности, мягкости, дружелюбности и соразмерности по отношению к отдельному индивиду, ни в прошлом, ни в настоящем. Вследствие этого возникает отчуждение, эксклюзия различных частей общества из целого и их маргинализация. Город выступает превосходящей по силе, власти и жесткости проекцией человека и человеческого.

Проблематизация отчуждения в городской среде в последние десятилетия, характеризующаяся очевидным нарастанием проблем в мегаполисах, позволила выдвинуть тезис о том, что отчуждение в городах существовало с самого момента появления городов как места для проживания и сопровождало людей на всем протяжении исторического развития городской культуры, то есть от античности с полисной системой до сего дня. Необходимым представляется трансформация положения о том, что отчуждение свойственно лишь современному городу, мегаполису как продукту глобали-

зации и постиндустриального общества, в то время как первой волной отчуждения человека можно считать само появление городской цивилизации в целом.

На отчужденность индивида в условиях городской среды так или иначе обращали своё пристальное внимание различные философы и урбанисты; например, Ги Дебор и движение ситуационистов обращались к проблеме культурного отчуждения в мегаполисах и индустриальных городах в середине XX века; с тех пор эта проблема интересует с каждым годом всё большее количество мыслителей. На фоне большого числа научных работ, посвященных отдельным частным аспектам и проявлениям отчужденности в городской среде, можно отметить отсутствие полномасштабных комплексных исследований проявления отчуждения и выстраивания границ в городах и итальянской культуре, в частности. При этом особенности структуры итальянских городов в различные эпохи могут рассматриваться как факторы национальной и индивидуальной идентификации. Культурная география городских пространств на примере опыта эволюции итальянских городов демонстрирует весь комплекс возможных концепций, судеб и проблем городов – и путей их решения, так как территория Италии является «колыбелью» европейской цивилизации.

Городская среда не может рассматриваться в отрыве от архитектуры и территориального планирования, ее формирующего. В архитектуре также важны символические функции, выводящие не самое непосредственное утилитарное значение, это отмечал известный итальянский семиотик Умберто Эко. Так, «зоны отчуждения» в городской среде итальянских исторических поселений, такие как музеи, парки, руины, охраняемые объекты, занимая подчас площадь чуть ли не превышающую площадь территорий с внятной и доступной функциональностью, создают особую логику и особую тональность коммуникации. Символическая функция пространств и территорий, отчуждаемых и охраняемых в этом статусе, не сводится, таким образом, к отвержению или редуцированию динамических функций перехода, пресечения, освоения и присвоения пространства, а порождает новую функцию для денотата: включение особых коммуникативных свойств, свойственных медленной созерцательности, романтической рефлексии. Примечательно, что архитектор или урбанист может «интуитивно» творить, закладывая такое послание уже на уровне проекта.

Особенность итальянского горожанина в насыщенной смыслами архитектурной среде, равно как и культурная осведомленность, дают разнонаправленный эффект: с одной стороны – легкость, с которой он «восстанавливает» все прошлые исторические коды, заложенные в пространстве (как первичные, так и вторичные), а с другой – груз манипулятивного воздействия на него, который создается все тем же «смысловым шумом» (Эко, 2006, с. 283). Реконструкция риторик и идеологий былых времен, к которой такой горо-

жанин может и не стремиться вольно, а невольно оказывается подвержен этой форме избыточной коммуникации, с большой степенью вероятности порождает и отчуждение, и желание «укрыться» в пещере, проигнорировать, даже разрушить. Для наших дней довольно часто характерна ситуация, когда вторичные функции архитектуры (и искусства в целом) потребляются легче первичной.

Будущее развитие городов в постглобалистскую эпоху зависит от предшествующего опыта и от восприятия социальными структурами различных феноменов городской среды – отчуждения и присвоения, инклюзии и эксклюзии, включения и исключения, противостояния и признания, инаковости и маргинализации, подавленности и враждебности, выстраивания границ, формирования фронтальных зон и их преодоления.

В данной работе рассматриваются территориально-пространственные границы; затронуть аспект образования социальных разграничений на их основе не представляется возможным ввиду ограниченного объема данной статьи, но эта тема представляется нам перспективным исследовательским направлением.

Культурная география городских пространств

В истории итальянской культуры и искусства можно найти немало свидетельств переживания отчуждения в городе и связанных с этим феноменом явлений выстраивания физических и духовных границ, образования фронтальных зон, символического присвоения пространства. Всё это на протяжении различных эпох часто артикулировалось в произведениях искусства, общественной мысли, повседневных практиках, городских мифах и иных материальных выражениях нематериальной стороны общественной жизни. Далее мы обратимся к наиболее репрезентативным случаям выражения рефлексии об отчуждении человека и выстраивании символических границ на территории городов Апеннинского полуострова.

Начало формирования того, что в современных городских исследованиях определяют как фронт, можно заметить еще в античных полисах: «В Древнем Риме мы наблюдаем процесс качественного перехода от “полиса” греко-этрuscoго типа к экосистемной трактовке пространства, выражением которой становятся, в частности, лимесы – пограничные системы расселения» (Глазычев, 1984). Тем не менее, при органическом единстве города и окружающей сельскохозяйственной территории, отмеченного В. Л. Глазычевым, полис, как и любой исторический город, имел четкие физические границы – стены. Наряду с защитной функцией таких стен, они несли и символическое значение отделения городского пространства и населения от природного ландшафта, обозначая признаки утвердившейся позднее дихотомии город / деревня. Городская стена как граница одновременно и защищала,

и подавляла – эти базовые функции города сохраняются в измененном виде до сих пор. Возведение различных типов стен как границ означает защищать себя, а иногда и добровольно исключать себя из какого-либо смыслового поля, сообщества. До появления христианской религии на Апеннинском полуострове большого значения имела сакральная граница Рима – померий (pomerium) – которая обозначала священные границы города и отделяла его от остальной территории, где действовали другие религиозные и юридические правила.

В языковой структуре закрепляется фундаментальное культурное различие между моделью города в латыни и городом греческого языка – это отметил Эмиль Бенвенист в своем эссе «Две лингвистические модели города». Бинарная оппозиция слов *civis/civitas* (лат.) и *polis/politès* (греч.) демонстрирует нам первичность города над гражданином или обратную ситуацию. «Полис (*polis*) – это пример идентитарного города. Термин «полис» (*polis*) обозначает место, откуда себя производит определенное человеческое племя. Это место, где сосредотачивается конкретный народ со своими особыми традициями и обычаями, который обретает свой этос. В латинском корне эта соотношение перевернуто, в том смысле, что *civitas* происходит от *civis*, где *cives* обозначает группу людей, объединившихся вокруг общих законов для того, чтобы дать жизнь городу. Это очевидным образом различает греческий город от римского, где под первым понимается только определенное племя, особый *gens*, а второй обозначает объединение людей разных религий, этнических групп и происхождения. Полису предшествует идея горожанина, и она идентитарная, тогда как *civitas* образуется как следствие объединения граждан, и он космополитичен» (Сидди, 2019, с. 106).

Средневековый период

С утверждением христианской религии на территории Римской империи (Миланский эдикт – 313 г.) проявление и рефлексия феномена отчуждения в городе делает новый виток. Широкий спектр исследований посвящен спорам о континуитете или дисконтинуитете средневекового города по отношению к античному. Особое внимание структуре и культуре средневекового города уделяется еще и потому, что «город – как бы новая судьба мира. Когда он возникает, неся с собой письменность, то открывает двери того, что мы называем историей. Когда с наступлением XI века город возродился в Европе, началось возвышение небольшого континента. Как только он расцветает в Италии, наступает Возрождение. Так было со времен городских общин, полисов классической Греции, со времен Медины в эпоху мусульманского завоевания и до наших дней. Все поворотные моменты роста выражались во взрыве урбанизации» (Бродель, 2007, с. 447).

Но проблема отчуждения человека в пространстве города проходит красной нитью сквозь всю историю городского развития, а в средневековом городе эта проблема имеет несколько векторов развития. Во-первых, расцвет городов стал возможен благодаря четкому разграничению сфер труда между деревней и городом. В связи с этим исследователи отмечают не только очевидную дезинтеграцию жителей внегородской среды и горожан, но и отчуждение последних от природной среды. Труд горожанина был связан с ремеслом и торговлей и имел меньшую зависимость от естественных циклов природы, смены сезонов, в отличие от сельского хозяйства, в котором лишь небольшая часть населения периодически была задействована на полевых работах. Структура повседневности горожанина и жителя внегородской среды влияет на идентичность субъекта, которые вместе задают своеобразную матрицу повседневности: в отличие от деревенского жителя, горожанин имеет также и широкий выбор в отношении своего досуга, но житель маленького города (*paese*), очень характерного для Италии, имеет свою специфику, а именно синтез двух упомянутых моделей, который отражается в паттернах национального самосознания.

Во-вторых, один из аспектов отчуждения в средневековом городе связан с усилением позиций христианской религии, когда в мировоззрении человека меняются представления о пространстве и времени: на первый план выдвигаются другие представления об окружающем человека мире. Это прежде всего идея сотворения окружающего мира Богом, давшая понимание развития во времени; новое соотношение вечного, неизменного и текущего, настоящего; первенство духовного над материальным (например, на место римского храма приходит купольный храм, который стал изменять силуэт раннефеодального города, по сравнению с античным), эсхатологическое ожидания конца постороннего мира.

В целом мировоззрение средневекового человека было подчинено концепции, изложенной в труде одного из виднейших западных Отцов Церкви Аврелия Августина (354-430) «О Граде Божиим» (Блаженный Августин) (1998). Пространство средневекового города полностью отражает сформированные религиозным мировоззрением сакральные границы, выразившиеся в физической структуре города: громада городского собора доминировала над остальным ландшафтом города, указывая на слабость и страдающее, смиренное положение человека перед Богом. Собор был градообразующим началом и указывал на то, что человек не властен над пространством, даже над пространством собственного города и квартала, в котором проживает, и забота о материальном не укладывалась в представления средневекового горожанина. К этой же теме обращался известный специалист по философской и культурной антропологии Б. В. Марков в труде «Храм и рынок. Человек в пространстве культуры»: «Христианская жизнь протекает во времени, а не в пространстве. <...> Город как бы не существует для христианства, хотя

оно отнюдь не является сельской, аграрной мифологической религией. Но христианин не ориентируется в реальной топографии города, ибо блуждает в поисках «божьего града» (1999, с. 156). Таким образом, человек Средневековья находился в пограничном, отчужденном состоянии – из-за беспрецедентной фрагментации идентичности человека и новой городской повседневности. Мы можем наблюдать диссонанс в самоидентификации средневекового горожанина, а именно в нем сочетались две противоположные по своему значению формы городской солидарности – религиозная, устремленная «вверх» от материальности, к небесным перспективам спасения, и земная, телесная, обусловленная деловыми отношениями, торговлей, выгодой и жадностью накопления, со всеми земными грехами и страстями. Средневековый горожанин постоянно находился на перекрестке различных нематериальных и физических центров.

Заметное влияние на городскую структуру Средневековья оказала цеховая организация ремесла, которая появилась в Италии в IX–X веках, раньше всего в Европе. Цех, располагающийся в определенном районе города, символически и физически присваивал себе кварталы и районы, зачастую с прочерчиванием границ и входов, объединенные представителями одного цеха, которые там проживали и работали, формируя неоднородную и раздробленную городскую среду. Упомянутые факты позволяют утверждать существование отчуждения разных частей города друг от друга. Через цеховую структуру горожане поддерживали лояльность своему локальному сообществу, выключенные благодаря городской культуре из родовых отношений. Таким образом, город в своём устройстве отражал самые важные цивилизационные сдвиги и изменения в политике, экономике и культуре, как это будет и в последующие эпохи. Например, с приходом капитализма и упадка феодальной системы во Флоренции на границе эпохи Возрождения в городе изменился его пространственный и культурный коды, что изменило его восприятие, интерпретацию и функционирование: была преобразована планировка улиц, возникли новые виды и формы архитектуры зданий, некоторые районы появились, а другие исчезли с карт. В эпоху Средневековья отчуждение в некоторой степени могло быть преодолено через народно-площадную культуру, представленную М. М. Бахтиным в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1990) – во время карнавалов на центральных площадях городов люди объединялись и реализовывали свое внутренне желание к истинной свободе, равенству и изобилию, чего не было в их городской повседневности. Это было возможно, по мнению Бахтина, благодаря тому, что во время карнавала через праздничный смех в городе временно отменяются устоявшиеся иерархические отношения привилегии отдельных групп, нормы и запреты. Особая карнавальная культура, которая отражает зыбкость и неустойчивость окружающей среды, при этом стирая раздельность и разобщенность людей в городе, обусловленные социальными и

статусными границами, уравнивала горожан между собой и утопическое и реальное в их карнавальном мироощущении.

Благодаря Т. Мору и его «Утопии» в XVI в. в Западной Европе появляется несколько произведений того же жанра, в том числе связанных с проектами фантастических городов («Город Солнца» (1602) Т. Кампанелла, проект города Пальманова (1593) Винченцо Скамоцци). Пьеро делла Франческа¹ (1415-1492), итальянский художник эпохи Раннего Возрождения, создал несколько живописных работ с названиями «Идеальный город». В этих произведениях мы видим отражение представлений художника о том, каким должен быть идеальный ренессансный город. Изображенное пространство более напоминает театральные декорации, потому что в своем видении идеального города художник не оставил там места горожанину, человеку: на одной из картин нет ни одного человека, на другой – единицы, как будто оказавшиеся в городском пространстве случайно, и бесцельно находящиеся в нем. Конструирование утопий, на наш взгляд, напрямую связано с проблемой социального и физического отчуждения в городском пространстве и потребности в его трансформации для последующего присвоения как оппозиции существовавшей и существующей отчужденности.

Новое время и тоталитарная Италия

Новое время и промышленная революция всё отчетливее артикулировали отчуждение человека в городе, выстраивание символических границ, выделение ментальных границ в физическом пространстве городов. Решающим веком для истории урбанизма в Европе стал XIX век – как с точки зрения важных изменений в распределении населения между городом и деревней, так и с точки зрения изменения функций города: «Именно в городах концентрируются все основные ресурсы (человеческие, материальные, интеллектуальные) и именно здесь происходит самый значимый модернизационный прорыв XIX в.» (Вахштайн, 2014, с. 12). Большой индустриальный город разбит на специализированные зоны: деловой центр, коммерческие, административные и политические районы, производственные и рекреационные зоны, жилые районы, выделенные социальными слоями. Формируются и развиваются особый образ жизни и менталитет, радикально отличавшиеся от таковых у закрытых крестьянских общин, которые характеризовались (хотя и со значительными различиями) в первую очередь связью с социальной и гендерной принадлежностью. Возникает отчуждение от природы, усиление контраста между городом и деревней, большой индивидуализм, близость роскоши и нищеты, разделение частной и общественной среды, инновации, быстрые ритмы жизни, связанные со строгим учетом времени.

¹ Работы, о которых идет речь, приписаны позже британским искусствоведом Кеннетом Кларком кисти Пьеро Делла Франческа.

Вместе с общим философским теоретическим осмыслением и фиксацией проблемы отчуждения в жизни человека индустриальной эпохи и горожанина, к её репрезентации обратились различные деятели итальянского искусства в своем творчестве. Одной из таких фигур является художник Джорджо Де Кирико, который осмыслил в живописи метафизического периода (1909–1919) красоту отчужденности человека, изобразив при этом психический автоматизм и уход в глубину подсознания человека в современной художнику городской среде, что стало предвестником сюрреализма в живописи. Метафизический урбанистический пейзаж у Де Кирико демонстрирует нам враждебность к человеку, для которого там нет места, а есть лишь для его тени. Впечатление, производимое полотнами художника, как и реальность в сюжетах его картин недружественна, безлюдна и вызывает тревоги как после большой катастрофы, стершей людей с лица Земли и их места проживания, оставив ими выстроенную среду в одиночестве, пространство тайны, куда человеку вход заказан. Как будто так и было задумано, и человеку в городской среде не место: она самодостаточна и неприступна. Или, отмечают исследователи, изображенные архитектурные ансамбли могут быть городами, никогда и не населенными людьми, городами-химерами, призраками, в которых обитают антропоморфные существа: «Его оцепеневшие в полуденном зное улицы и площади становятся своего рода собирательными образами итальянских городов от Турина до Рима, но в них не найти конкретных узнаваемых черт. Это «город Классики», разрушающийся под натиском современной индустриальной эпохи» (Гончаренко, 2020, с. 250). Де Кирико считается предшественником сюрреализма, который в свою очередь провозглашал психический автоматизм, в основе которого лежит отчуждение от рационального и уход в подсознание.

Под влияние Де Кирико в изображении метафизических городских пейзажей попал итальянский художник Марио Сирони. В цикле, созданном в 1916–1920 гг., Сирони изображает¹ фигуры одиноких велосипедистов и мотоциклистов на фоне застывших вневременных городских ландшафтов и оставленные городские пространства индустриальной эпохи, монументальные и незыблемые, артикулирующие изолированность фигуры человека. Но фигуры тоже лишь отдаленно напоминают человека, в произведениях Сирони можно увидеть всевозможных манекенов и кукол, что также намекает на отчужденность человека от своего собственного образа в городском пространстве. Индустриальный городской пейзаж, освоенные окраины должны быть свидетельством прогресса, но в произведениях Сирони этот прогресс замер на месте, ландшафт утратил свою память и историю, стал чужим, разорванным и оставленным. Исследователь репрезентации города в итальянском городе первой половины XX века Гончаренко Н.М. отмечает, что «в раннем футуризме

1 Картины: «Велосипедист» (1916), Цикл «Городской пейзаж» (1918–1922), «Вид на окраину города с самолета» (1919), «Синтез городского пейзажа» (1919), «Окраина» (1920–1922), «Городской пейзаж с грузовиком» (1920), «Белая лошадь на окраине города», «Всадник» (1920–1921), «Трамвай на окраине» (1920), и другие.

образы современного города интерпретировались как состояния души (в творчестве Умберто Боччони, Карло Карра) <...> впоследствии их место заняли изображения города-машины, как в живописи Луиджи Руссоло, и «аэроживопись», где человеческим эмоциям уже не было места (примером могут служить произведения Тато и Тулио Крали)» (Гончаренко, 2020, с. 239).

Родоначальник футуризма в Италии Умберто Боччони в своем раннем творчестве изображал город в технике, близкой к дивизионизму. В своих произведениях 1908 года «Автопортрет» и «Сумерки» Боччони изображает городские индустриальные окраины, железную дорогу, строящиеся здания, за которыми виднеется ровный, нетронутый еще человеческой рукой ландшафт – это окраины Милана, где жил художник. Темы экспансии города и преодоления им своей прошлой границы Боччони развивает в своих произведениях «Город растет (Город поднимается)» 1910 и 1911 г., где вместо фигур теперь просто единый поток людей, силуэты накладываются друг на друга, растут один из другого, фрагментированы. Вторжение городской среды в личное пространство человека, размывание границ отражено в картине «Улица входит в дом» (1911), где «пространственные пласты проникают друг в друга, интерьер смешивается с экстерьером» (Гончаренко, 2020, с. 243). Влияние динамики городской жизни на движения души человека отражено в триптихах Боччони «Состояния души-1 и 2» (1911). В его картинах часто раскрывается один из главных образов футуризма – «клубящаяся» толпа людей, в которой не угадать лиц, толпа как будто тоже часть машины, большого городского механизма, люди всегда как призраки и не могут друг друга узнать, находясь как будто в измененном состоянии сознания. Один из родоначальников футуризма Филиппо Томмазо Маринетти опубликовал в 1909 г. первый футуристический манифест, в котором провозглашал отвержение идеалов и традиций старого мира, в том числе в искусстве, ради движения к будущему. Искусство должно было соответствовать нарастающему ритму жизни современных городов, что есть путь к последующему намеренному отчуждению целых пластов предшествующей культуры в эпоху фашизма, выдвигавшего на передний план древнеримскую риторику.

В произведениях футуристов художники восхваляют город-машину, которая станет новой природой для человека, утратившей способность передавать смыслы, десакрализованной, улавливают дух этого города. Но насилие, агрессия, техника, скорость, война, взрывы, удары (футуристы провозглашают это условиями сохранения жизненной энергии), то есть все характеристики индустриального города, наступающее на человека пространство, уносящее его с собой в динамичный вихрь городской жизни, демонстрируют переживаемый человеком кризис нахождения в городской среде и взаимодействия с ней и фиксацию его футуристами, предполагаемый выход из которого, путь к обновлению футуристы предлагают в концепте «переустройства».

Антонио Сант-Элиа в «Манифесте футуристической архитектуры» (1914) представляет себе город как универсальную машину, сложный электрический механизм. Первоначально текст манифеста был сопровождением графических листов проекта Сант-Элиа “Citta Nuova” («Новый город», 1914), в котором городское пространство наполнено огромными зданиями с многоуровневыми уступами, заводами, электростанциями как узлами огромной городской сети, переходами и пешеходными мостами, окружено футуристическими транспортными артериями, приподнятыми над землей, что окончательно отрывает город от природы и «исторически созданного пейзажа» (Мартеллотти & Седов., 2010, с. 235). В соответствии с этим описанием наблюдателю представляется враждебный город, полностью подчиненный логике прогресса и исключаящий волю человека из своего семантического поля, но у Сант-Элиа такой город будущего, наоборот, должен удовлетворять потребности горожан, и каждое поколение сможет перестраивать город для себя, если наследие прошлого не функционально для современных нужд. Важнейшее право человека по отношению к городской среде у футуристов – это возможность жить в таком пространстве, которое бы было прямым отражением потребностей и пристрастий современного общества. Но практически, визуальное итальянское футуризм предопределил наступающий жестокий век города, наступающего на человека: «сама городская улица больше не вырисовывается как симметричная картина уходящих вглубь «кулис», расположенных на ее противоположных сторонах и смотрящих друг на друга, привязка к поверхности земли осуществляется в городе согласно принципу случайности» (Мартеллотти & Седов., 2010, с. 235).

Футуристы восприняли приход фашистов к власти отчасти как итальянскую национальную революцию, как рывок к обновлению, будущему и прогрессу, так как для фашистской власти разрыв с традицией и отбрасывание прошлого так же стояло «во главе угла».

Фашистская власть использует архитектуру и организацию городской среды как способ своей репрезентации в обществе, таким образом тотально проникая во все сферы жизни общества. У дуче Бенито Муссолини, который пришел к власти в Италии в 1922 году, были сложные отношения со столицей, Римом, так как он родился на севере страны: он приходит к власти после демонстративного «похода на Рим» и получения должности первого министра. Так фашистский режим семантически связывается с образом вечного города и его «присвоения» новой властью: античные образы проникают в визуальную идеологию итальянского фашизма, что подтверждают слова дуче 1934 г.: ««После Рима цезарей, после Рима пап сегодня есть единственный Рим – Рим фашистский, в котором древнее и новое единовременны, и он возвышается, приводя в восхищение весь мир» (Вяземцева, 2018).

При власти фашистской партии городская среда Рима претерпела радикальные изменения – это был нетипичный европейский город, так как роль

центра католической веры обезопасила его от появления множества заводов, фабрик и высокой концентрации рабочих. Риму требовался имидж современного города, центра нового передового государства, поэтому фашисты основательно взялись за насильственное изменение его многовекового облика, не заботясь о сохранении памяти и пластов истории города, которые не вписывались в идеологические рамки: на месте памятников возводились широкие магистрали, площади, выселялись определенные слои населения, которые не должны были в представлении власти проживать в центре столицы, но велись активные археологические работы по выявлению античного наследия: «Рим стал настоящей витриной режима, образцом новой градостроительной политики, которая заново выстраивала историческую идентичность итальянских городов и задавала им перспективы развития» (Вяземцева, 2018). Наиболее известный случай радикального изменения среды – это строительство виа Империя, которая была проложена для исполнения роли главной сцены, а фасады – трибун для всех массовых шествий, проведение которых характерно для тоталитарных режимов 1920–1930-х гг. Она также служила дорогой от рабочей резиденции Муссолини к Колизею (Пьяцца Венеция как новый центр империи), как маркер преемственности между Римом античным и Римом фашистским. Для прокладки виа Империя были сровнены с землей жилые дома, средневековая застройка и часть территории императорских форумов (были разрушены часть раскопок императорских форумов Траяна, Августа, Нервы, пьедестал статуи-колосса Нерона и руины античного фонтана). Еще одним символом преемственности должен был стать дворец Литторио (штаб-квартира фашистской партии); проект так и не был реализован, но планировался на виа Империя, в нескольких сотнях метров от Колизея, напротив руин базилики Максенция. В целом Рим, являясь символическим центром Западного мира, на протяжении многих столетий своей истории несколько раз терял себя, был забыт и находился в запустении, а затем вновь возрождался к новой жизни и расцветал – вытеснялся из актуального культурного пространства и вновь присваивался властью, народом или церковью. И план фашистской перепланировки Вечного города является утопией, сравнимой с идеальными городами эпохи Возрождения.

Новые символические центры в этот период создавались и в других городах Италии с помощью расчистки старой застройки и формирования площади-форума, обрамленной государственными институциями для проведения массовых шествий и демонстраций – примером может служить Пьяцца делла Витториа в Брешии. Создание масштабных площадей, их возросшая субъектность в эпоху фашизма являлись актом политического торжества, например, та же Пьяцца Венеция в Риме. Концепция Рима как линейного города, ведущего к Остии, воплотилась также в создании с нуля монументального квартала к международной выставке EUR (1935–1943), который должен был презентовать образ новой Римской империи, возродившейся в фашист-

ской Италии первой половины XX века. В четырехсторонних аркадах главного здания комплекса – Дворца итальянской цивилизации, прозванных квадратным Колизеем, угадывается мотив метафизического города Де Кирико:

«Отсутствие как таковой фасадной доминанты, да и главного фасада вообще, обусловлено, как мне кажется, идеологическими соображениями: монотонная фактура экстерьера, вызывающая у человека ощущение бесконечности и, соответственно, подавляющая его, должна была символизировать вечность и незыблемость фашистского строя в Италии» (Белов, 2007).

В плане квартала – широкие проспекты, пересекающиеся только под прямыми углами, простота линий, в архитектуре – колоннады, барельефы и скульптуры, мрамор, гранит, фашистская символика. Для создания образов городов возрожденной империи фашистскими властями перед архитекторами и художниками была поставлена задача «разработать новый архитектурный стиль, который должен был отличаться сверхчеловеческим масштабом сооружений и позволить заменить чувство меры чувством безмерного, безграничного, бесконечного» (Уланский, 2019). Воплощением упомянутой архитектурной и градостроительной политики фашистских властей были новые города, основанные с нуля в средней части Апеннинского полуострова. Они явились одними из градостроительных примеров отстранения от истории в контексте создания и использования городской среды в Италии эпохи фашизма. Были созданы девять новых городов близ Рима на месте осушенных малярийных болот, где пространство и вся инфраструктура создавались с нуля: наиболее известны пять – Латина (Литтория, 1932), Сабаудия, (построена за 253 дня, 1934), Понтиния (1935), Априлия (1937), Помеция (1939).

Феноменом конструирования границ, фронта внутри города на уровне идентичности, характеризуется история города Триест, что располагается на северо-востоке Италии. Триест считался одним из самых знаковых мест времен холодной войны, которая воображаемо расколола Европу на две части:

«Именно здесь предположительно начался “железный занавес” Черчилля, и город долгое время считался последним форпостом “Западной Европы”. На национальном уровне Триест также рассматривался как жизненно важное пространство “итальянскости” и граница, которую итальянское государство должно защищать от коммунистической (и “славянской”) угрозы <...> Триест был одним из немногих мест времен холодной войны (Берлин был другим), где – по крайней мере, в риторике – “Западная” Европа напрямую соприкасалась со своим абсолютным “Другим” <...> это место, где “европейскость” приходилось ежедневно перезаписывать, заново подтверждать. Как и в случае с Берлином, судьба города оспаривалась вплоть до окончания войны: союзные оккупационные силы не покидали его до 1954 года, а договор о передаче значительной части внутренних районов города Югославии не вступал в силу до 1975 года. Город и его окраина продолжают оставаться в авангарде процессов переопределения идентичности в новой Европе» (Bialasiewicz, с. 319-320).

В послевоенное время интересными примером отчуждения города от памяти и истории является город-утопия Джибеллина-Нуова. Вследствие землетрясения на Сицилии в 1968 году, травмы, которую пережило пространство городов и их жители, несколько городов были стёрты с лица Земли, и необходимо было выстроить с нуля новую среду, как городскую, так и социальную. Правительство Италии и новая администрация городов не справились с задачами по восстановлению и открыто провоцировали жителей уезжать из своих родных мест, чтобы уничтожить всякую память о городах, средств и ресурсов на восстановление которых не было. Из-за этих проблем город Джибеллина возродился под названием Джибеллина-Нуова в 18 километрах от старого места как идеальный город искусств, в создании которого принимали участие художники Й. Бойс и А. Бурри. Город создавался как утопия с регулярной планировкой и несколькими типами домов, присутствовали аллюзии и отсылки к античному наследию, которого там никогда и не было:

«Если греческие скульптура и архитектура работали с контекстом, формируя его вокруг себя и притворяясь, будто без них никакого пейзажа и быть не может, модернистская скульптура контекст подчёркнуто игнорирует, она целиком замкнута на себя, буквально сообщая зрителю: мне не о чем с вами говорить, проходите дальше. Это отсутствие объединяющей воли, которая бы сформировала общее сценографическое решение для всех работ, очень ощущается в городе. Все его художественные объекты предоставлены себе и не желают взаимодействовать с жителями <...> Легко считывается попытка придумать память городу, у которого нет собственного прошлого, причём воспоминания не наследуются от Старой Джибеллины – это искусственно созданные воспоминания о мифологическом прошлом, где не было никакой коллективной травмы» (Стрельцова, 2018).

И пейзажи этого итальянского города-утопии XX века вновь черпают истоки в метафизической живописи Де Кирико. Соседний город, менее пострадавший от природного катаклизма, Салеми, потерял часть жилых построек и главную церковь, которая структурировала собой пространство, как это часто было в средневековых городах Западной Европы. Художник Алвар Сиза Виейр так работал с коллективной памятью места: «не стал ничего строить или реконструировать, а просто сместил акценты: превратил то, что было внутренним пространством оставшейся без крыши и стен церкви, в центральную площадь города, <...> он выявил лакуну, отсутствие... Произведением стал этот невидимый город – невидимый ни для местных, ни для туристов» (Стрельцова, 2018), создав новое смысловое пространство. При всём этом жители разрушенных и полуразрушенных городов Сицилии не принимали решения о его перестройке, а были принуждены покинуть свои старые жилища. Утрата памяти и истории места оказывает радикальное влияние на утрату идентичности субъектом, связанную с этим пространством – «в городе память и история укоренены друг в друге: каждый горожанин устанавливает

свои особые отношения с памятниками, носителями глубинных и коллективных исторических свидетельств» (Оже, 1999).

В это же время проблема отчуждения и неопределенности человека, связанная со средой, осмысливается и в итальянском кинематографе: режиссер Микеланджело Антониони создает свою «Трилогию отчуждения» – фильмы «Приключение» (1960), «Ночь» (1961) и «Затмение» (1962); другие фильмы режиссера отличаются схожими чертами, но в этих фильмах всё нижеописанное проявляется наиболее ярко. Такое название трилогия носит в силу того, что основные действия разворачиваются на фоне черно-белых пейзажей, безразличной и порой безликой городской среды, которая служит идеальной рамкой для отчуждения внешне благополучных персонажей друг от друга из-за неопределенности и растерянности, глубокое одиночество, духовное омертвление, эмоциональное отстранение, невозможность найти своё предназначение и место в жизни. Люди тщетно и бесцельно перемещаются в чуждом им пространстве города, оправдывая это какими-либо сиюминутными делами, никогда не сближаясь друг с другом и не образуя тесную личностную связь. Так режиссер изображает тревожную картину разрушения современного субъекта, то есть индивида постиндустриального города – «герой экзистенциального кино мучился и томился разгадкой совершенно закрытого городка <...> симметрия и асимметрия, тяготины замедленного хронотопа, яростные разговоры ни о чем и фигуры, так и не вписанные в интерьер или пейзаж, так и остающиеся стаффажем, плюс, конечно, «болезненное буржуазное отчуждение» (Бавильский, 2020, с. 345). В конце фильма «Затмение» камера уходит от главных героев на 8 минут фокусируется на абстрактном созерцании города. Вся тягучесть и неопределенность в действиях героев, в структуре и аудиовизуальном оформлении фильма отражает внутреннее состояние человека того периода, но, на наш взгляд, такое внутреннее состояние часто можно встретить и в постинформационном городе.

Постинформационный город

В целом в рамках индустриализации и цифровизации городов, процессами, которые протекали на протяжении XX века, итальянские города, в особенности столицы регионов, которых на данный момент насчитывается 20, не отличались основными характеристиками от других мировых мегаполисов. Итальянский дизайнер и архитектор Паоло Мартелотти так описывает современные города: «Города как места пульсирования языка-интеркода: города, где в каждой его точке проявляется многообразие целого. «Комплексный» город абсолютного доминирования, искусственного и виртуального – вот модель, определившая рост многих городов в последние десятилетия, в противовес модели, предполагавшей равновесие различных его

функций и равновесие между природой и вмешательством в неё человека» (Мартеллотти & Седов, 2010, с. 61).

Многие исследователи отмечают, что изменения, связанные с возникновением города и городского образа жизни, менталитета, были даже менее радикальными для человека с психологической и культурной точек зрения по сравнению с эпохой Интернета и тотальной мобильности. В наши дни выделяется следующая основная черта произошедших изменений – отчуждение пространства от человека, выражающееся в лишении прежнего живого содержания публичных пространств, де-локализации коммуникации и перенос в сеть, где местоположение не имеет значения для совершения акта коммуникации, универсальность места и времени. Предпринимаются попытки присвоения городского пространства в градостроительстве теперь через социальное картирование, отражение на картах мест прошлого, существующих в городской идентичности, для превращения пространства потоков вновь в пространство мест – топонимы, «складываясь в созвездия, преобразующие поверхность города в систему, со своим порядком и иерархией значений, они призваны помочь ориентироваться в хронологии, утверждать легитимность тех или иных исторических деятелей или явлений. Постепенно первичные значения этих имен стираются, <...> отделившись от мест, которые они должны определять, названия служат воображаемыми точками маршрутов, действуя подобно метафорам – важен не буквальный, а переносный смысл» (Де Серто & Космарский, 2008, с. 33).

Любопытным кажется опыт фиксации впечатлений от нахождения в городской среде современных итальянских городов, например Пизы: «Пиза – это чистая меланхолия запустения. Любые города, пережившие пики своего развития, рассказывают именно про это, но Пиза [а далее и Сиена] как-то настаивает, что лучшее минуло, растаяв без следа, и для этого вспухает частями и участками вдоль непрозрачной реки, как бы раздвинувшей город для чего-то и забывшей сдвинуть обратно. Века, конечно, подталкивают их к разомкнутости в окружающее пространство, стирая границы между регулярной застройкой центра и разбросанностью окраин, плавно переходящих в хозяйственные кварталы глухих терминалов, складов и фабрик с ландшафта окоема, тянущегося до отрогов гор, снимающих с этих мест прямые бинарные оппозиции типа «жизнь/смерть» (Бавильский, 2020, с. 261). Или пример небольшого города Лукка в Тоскане: «в ней я все время пытался найти центр, и он от меня ускользал. Невозможно было ... расставить свои туристические галочки... город взят» (Бавильский, 2020, с. 282). То есть ризоматичность структуры города, сохранившаяся до наших дней, не дает туристу присвоить себе город, понять его, подчинить своему восприятию. Италия воспринимается как своеобразный заповедник городской культуры – «пользуясь всюю топографией «страны городов» для внутреннего стенографирования <...> в этом путе-

шествии почти нет Италии, есть земля отдельных городов» (Бавильский, 2020, с. 302).

Отчуждение является одновременно и продуктом нашего существования в городах и существования самих городов, и мы, как жители современного города, испытываем потребность в его преодолении, в стирании границ. Зоны отчуждения в современном городе представлены «не только символическими территориями за пределами историко-культурного пространства цивилизации, но они также соответствуют четко определенным физическим местам: свалки, руины, закрытые музейные фонды, огороженные парки, территории, засекреченные государством, кварталы, предназначенные для определенных категорий посетителей или граждан, места наказания, военные районы, фавелы и другие типы маргинализированных территорий» (Pirni & Nikolaeva, 2019).

В наши дни в Италии отмечается присутствие общемировой тенденции к формированию дигитальных городов: «актуальная ситуация подразумевает переход от понимания города как суммы социальных объектов к социальной системе <...> город подвергается непрерывной трансформации, которая неумолимо изменяет его бытие. Новая троичная целостность города (артефакты + люди + технология) создает новую социальную идентичность, которая лежит именно в отношениях между отдельными людьми, между людьми и объектами, а также между объектами» (Сидди, 2019, с. 154). Коммуникационные информационные технологии стали полноценными силами, влияющими на формирование городской идентичности и на пути структурирования среды – «организация социальной жизни в нынешнем городе рассматривается как особая реализация гиперреальности, призванная энтропийно преодолевать свои собственные границы» (Pirni & Nikolaeva, 2019). У дигитальной трансформации города есть большой потенциал для изменения вектора культурной эволюции феномена идентичности. Таким образом, идентитарные формы в современном дигитальном городе подвергаются непрерывной гибридизации и смешению: «дигитальный город стирает различия между сообществами любого типа: как этносы, национальности, религии, классы, семьи» (Pirni & Nikolaeva, 2019). Город стал прозрачен, ризоматичен, децентрализован, в нем больше нет места для сильной центральной власти или диктаторов, он существует в форме сети.

XXI век представил целый пласт проблем, связанных с отчуждением в городской среде из-за разразившейся пандемии COVID-19 в 2020 году, когда жители Италии и всего мира оказались замкнуты и изолированы в пространствах своих жилищ без возможности перемещения в городе – «Как в сказке, города, чтобы защитить себя от невидимого, но могущественного врага, исчезли: они ушли в изгнание. Они объявили себя запрещенными, вне закона, и теперь они лежат перед нами, как внутри археологического музея или диорамы <...> мы оплакиваем исчезнувший город, приостановленное сооб-

щество, закрытое общество вместе с магазинами, университетами, стадионами» (Cossia, 2020). Мы, горожане, вынуждены были стать отшельниками, которые уходят в свое личное пространство и проводят день, бормоча светские молитвы. Итальянский философ Джорджо Агамбен рефлексировал на эту тему: чем стало окружающее нас физическое и социальное пространство после того, как мы потеряли к нему прямой доступ? Каждое место теперь предстает в своем истинном облике, они начинают каким-то странным образом касаться нас даже более близко и ощутимо чем раньше – они предстают такими, какие они есть на самом деле, чего мы не замечали: великолепными и страдающими одновременно. Агамбен в своих заметках о времени мировой пандемии радикален в эсхатологических высказываниях о гибели человеческой цивилизации, но отражает чувства горожан, которые были исключены из привычной им реальности, унижены и напуганы, изолированы и втиснуты в узкие рамки своих домов, которые превратились из родных жилищ в настоящие тюрьмы: «Мы живем в домах, в городах, сожженных сверху донизу, как если бы они все еще стояли, и люди притворяются, что живут в них, и выходят на улицу, замаскированные среди руин, как если бы они все еще были знакомыми районами прошлого» (Agamben, 2021).

Вспоминая Хайдеггера, – построенные объекты живут, только если они обитаемы, а городское пространство в эпоху эпидемии COVID-19 было, а в некоторых областях и остаётся оставленным и покинутым, городские пространства более не нужны, горожане вынужденно отказались от их функций, и возврат не будет моментальным и легким, судьба физических пространств, по словам философа, еще не определена – города медленно умирают в одиночестве и изоляции вместе с урбаноцентричной культурой западноевропейской цивилизации, так как все её функционирование перенеслось в глобальную сеть Интернет. Например, в городском планировании и градостроительстве теперь не так велика роль транспортной инфраструктуры, основанной на пропускной способности дорог и общественного транспорта, поскольку паттерны мобильности в городах изменились и стали более локальными, почти исчезла маятниковая ежедневная миграция. Теперь, указывает Агамбен, подтвердился его собственный тезис, высказанный в “*Homo sacer*” (Agamben, 1995), о том, что сегодня политической парадигмой Запада является поле, а не город. Крайняя степень изоляции и отчуждения горожан от пространства и друг от друга, хоть бы и через минимальный телесный повседневный контакт, не говоря о социальном, перенос всей коммуникации в Интернет, интенсифицировавшаяся цифровизация всех сфер жизни сделали город не просто пространством, рождающим отчуждение и аккумулирующим его в своей семантике и структуре, а пространством отчуждения, которое под ударом глобальной катастрофы утратило смысл своего существования. При этом Джорджо Агамбен не фиксирует потребность людей создавать более локальные пространственные сообщества, чтобы окончательно не утрачивать

социальный опыт взаимодействия с другими членами общества. В глобальной сети это могут хотя бы сообщества многоквартирного дома, квартала, района – тех областей, перемещение в границах которого в период пандемии было допустимо и который мог быть более-менее автономным от других. Межличностные связи в таких сообществах более близкие и прочные, чем в формальных профессиональных или общегородских объединениях, которые формировали идентичность современного горожанина до пандемии.

Выводы

Основываясь на анализе опыта фиксации и артикуляции отчуждения в городской среде на территории Италии, можно заключить следующее: во-первых, история городской культуры фиксирует присутствие специфического отчуждения, характерного для обитания индивида в городском пространстве с момента появления города и соответствующей ему субъектоцентричной городской культуры. Во-вторых, территория Италии представляет собой богатый «материал» для нашего исследования и вероятных дальнейших, так как на протяжении XX столетия страна пережила случаи своей максимальной альтернативности – она стояла перед историческим выбором и резким переделом сил и власти, поздно получила возможность к национальному объединению, что обеспечило ей длящееся состояние общественной нестабильности, отразившееся в социальном и топографическом пространстве городов. В-третьих, немаловажно, что в современном городе наибольшую значимость имеет именно проблема самоотчуждения субъекта, отчуждающего себя в результатах собственной деятельности в пространство надличностных, бессознательных структур, созданных им самим, являющихся продуктом культуры. Таким образом, в городе на протяжении всей истории его существования активно функционировали культурные практики признания / отторжения в городской среде – удаление старых границ, формирование новых границ и сред с другой семантикой и функцией на месте старых. Взаимодействие субъекта с пространством происходит через реализацию двух противоположных процессов – присвоения (инклюзия) или отчуждения (эксклюзия).

Городская среда на разных исторических этапах в большей или меньшей степени оказывала влияние на человека, что закономерно привело городскую цивилизацию к глобализации, проблемам мегаполисов и выработке новых паттернов жизни в дигитальной среде, также родившейся в городе – по словам культуролога В. Куренного «анализ городской культуры – это принципиальный фокус рассмотрения современной культуры как таковой» (Куренной, 2014). Во второй половине XX-начале XXI века, а это принципиально новый период в истории городской культуры, происходит переход от пространства мест к пространствам потоков, где города утрачивают свою локальность, идентичность, а горожане отчуждаются не только от других, но и от самих себя, через

свой образ. В современной глобальной культуре, объединенной единым информационным полем, идет процесс размывания границ и повышения их прозрачности. Экономические процессы, территориальная общность (географическая, биологическая, геологическая и другие) и схожесть проблем, возникающих из этой общности, делают барьеры прозрачными, а по сути, полностью устраняют их для жителей приграничных территорий. Но в то же время мы видим обратную реакцию: попытки установить границы, создать запретные зоны для выяснения собственной идентичности. Потеря конфликта (исключения) с тем, что есть Другой, и он находится по ту сторону границы, может рассматриваться субъектом как угроза чувству собственной идентичности. А развитие отчуждения и процессов эксклюзии есть противоположность механизму социальной идентификации.

До-городская культура основана на формировании отношения человека к месту, очеловечивания окружающего пространства, граница своего и чужого, частного и общего не так устойчива и надежна, индивид находится теперь в состоянии культурной пограничности. А пространство потоков рождено гиперурбанизацией – города перерастают свои собственные пределы и перестают быть городами в классическом понимании, с внутренне упорядоченными пространствами, утрачивают структуру центра и границ, горожане лишаются прочной связи с местом, прежние места становятся не-местами, как указывал М. Оже (2017). На первый план в городской реальности XXI века во всем мире, и в Италии в частности, выходит не оппозиция город / деревня, как в предыдущие этапы развития городской культуры, а оппозиция город / агломерация или город / мета-город, объединяющий несколько центров и поселений, объединенных одной экономической и цифровой средой. Таким образом, возникнув тысячелетия назад, городская социализация как тип взаимодействия индивидов уже на протяжении долгого времени одним из своих значительных эффектов имеет отчужденность индивидов друг от друга, отчужденность между индивидом и средой, между средой и метафизическим образом.

И если город – тотальное пространство отчуждения, то Другие в нем, от которых субъект отчуждается – это тот фундамент, который конституирует возможность наличия идентичности, делает недифференцированные пространства городами. Выход из бесконечного круга отчужденности в городской среде некоторые исследователи видят в возможном пост-городском будущем, где город спланирован человеком так, что он сам создает и «разрешает», признает запретные зоны, в которых можно «играть» и экспериментировать с пересечением и обновлением границ или миров, для формирования идентичности вновь «на месте», в пространстве, созданном специально, а не побочно, для интерпретации человеком. (Pirni & Nikolaeva, 2019) Новый виток развития проблемы отчужденности в современных городах определяется интенсивным осознанием различия, разнообразия и инаковости,

а также дает контекстуально новое подтверждение необходимости горожанину определить (и переопределить) себя.

Список литературы

- Agamben, G. (1995). *Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita* [*Homo sacer: Sovereign power and bare life*]. Einaudi. (In Italian).
- Agamben, G. (2021). *Quando la casa brucia* [*When the house burns down*]. Quodlibet. <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-quando-la-casa-brucia> (In Italian).
- Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, 10(3), 319–336. <https://doi.org/10.1080/14649360902756655>
- Coccia, E. (2020, April 21). *Reversing The New Global Monasticism*. Fall semester. <https://fallsemester.org/2020-1/2020/4/17/emanuele-coccia-escaping-the-global-monasticism>
- Nikolaeva, Zh., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones: An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, 67, 3–19. <https://doi.org/10.4000/estetica.2482>
- Pirni, A. (2020). Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces. *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 29–39. <https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.2939>
- Pirni, A., & Nikolaeva, Zh. (2019). *Confini e zone di esclusione nella civiltà urbana contemporanea. Spunti per una riflessione interdisciplinare* [*Boundaries and zones of exclusion in contemporary urban civilization. Suggestions for an interdisciplinary reflection*]. Cosmopolis. <https://www.cosmopolisonline.it/articolo.php?numero=XV122018&id=14> (In Italian).
- Августин Блаженный. (1998). Творения. Т. 4. О Граде Божием (С. И. Еремеева, Ред.). Алетейя.
- Бавильский, Д. В. (2020). *Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи Твиттера в шести частях и тридцати пяти городах*. Новое литературное обозрение.
- Бахтин, М. М. (1990). *Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Художественная литература.
- Белов, А. (2007). Квадратный Колизей, или Метафизика формы Дворец цивилизаций в EUR XXI-ММVII. Журнал «Проект классика». http://www.projectclassica.ru/v_o/21_2007/21_2007_o_04a.htm
- Бродель, Ф. (2007). *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: Возможное и невозможное*. Весь мир.
- Вахштайн, В. С. (признан СМИ, выполняющим функции иностранного агента) (2014). Пересборка города: Между языком и пространством. *Социология Власти*, 2, 9–38.
- Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни*. Ад Маргинем.
- Вяземцева, А. А. (2018). Непостроенный Рим Бенито Муссолини. Журнал «Искусство», 3. <https://iskusstvo-info.ru/nepostroennyj-rim-benito-mussolini/>
- Глазычев, В. Л. (1984). *Социально-экологическая интерпретация городской среды*. Наука.
- Гончаренко, Н. М. (2020). Город в искусстве Италии первой половины XX века: Не только футуризм. *Искусство Евразии*, 1, 239–261. <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2020.01.018>

- Де Серто, М., & Космарский, А. (2008). По городу пешком. *Социологическое обозрение*, 7(2), 24–38.
- Куренной, В. А. (2014). Городская культура. Постнаука. <https://www.youtube.com/watch?v=Pqz-sqDbTmo>
- Марков, Б. В. (1999). *Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. Алетейя*.
- Маркс, К. (1974). Экономическо-философские рукописи 1844 г. В *Сочинения* (Т. 42, сс. 41–174). Политиздат.
- Николаева, Ж. В., Троицкий, С. А., & Царев, А. О. (2018). Проблемы идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды. *Studia Culturae*, 37(3), 92–111.
- Николаева, Ж. В., & Троицкая, А. А. (2020). Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства. *Журнал Фронтирных Исследований*, 5(1), 11–28. <https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.1128>
- Оже, М. (1999). От города воображаемого к городу-фигии (В. Мизиано, Пер.). *Художественный журнал Moscow art magazine*, 24. <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1623>
- Оже, М. (2017). *Неместа. Введение в антропологию гипермодерна*. Новое Литературное Обозрение.
- Савенкова, Е. В. (2007). Город: История отчуждения. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*, 1, 82–92.
- Седов, В. В. (2010). *Архитектурный футуризм. Взгляд Паоло Мартеллотти*. МУАР.
- Сидди, Н. (2018). Город прото-дигитальной эпохи. *Studia Culturae*, 37, 154–163.
- Стрельцова, А. (2018). Призрачные города долины Беличе. *Журнал «Искусство»*, 4. <https://iskusstvo-info.ru/prizrachnye-goroda-doliny-beliche/>
- Трубина, Е. Г. (2011). *Город в теории: Опыт осмысления пространства*. Новое литературное обозрение.
- Уланский, А. А. (2019). Архитектура Италии в пропагандистской политике фашистского государства. *Манускрипт*, 1, 162–165. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.34>
- Эко, У. (2006). *Отсутствующая структура: Введение в семиологию*. Симпозиум.

References

- Agamben, G. (1995). *Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita* [Homo sacer: Sovereign power and bare life]. Einaudi. (In Italian).
- Agamben, G. (2021). *Quando la casa brucia* [When the house burns down]. Quodlibet. <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-quando-la-casa-brucia> (In Italian).
- Auger, M. (1999). From the Imaginary City to the Fiction City (V. Misiano, Trans.). *Moscow art magazine*, 24. <http://moscowartmagazine.com/issue/75/article/1623> (In Russian).
- Auger, M. (2017). *Nemesta. Introduction to the Anthropology of Hypermodernity*. New Literary Review. (In Russian).
- Augustine the Blessed. (1998). *Creations. T. 4. On the City of God* (S. I. Yeremeeva, Ed.). Aletheia. (In Russian).

- Bakhtin, M. M. (1990). *François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Khudozhestvennaya Literatura. (In Russian).
- Bavilsky, D. V. (2020). *The Desire to Be a City. An Italian Travelogue of the Twitter Age in Six Parts and Thirty-Five Cities*. New Literary Review. (In Russian).
- Belov, A. (2007). *The Square Coliseum, or the Metaphysics of Form The Palace of Civilizations in EUR XXI-MMVII*. The Classics Project magazine.
http://www.projectclassica.ru/v_o/21_2007/21_2007_o_04a.htm (In Russian).
- Bialasiewicz, L. (2009). Europe as/at the border: Trieste and the meaning of Europe. *Social & Cultural Geography*, 10(3), 319–336. <https://doi.org/10.1080/14649360902756655>
- Brodel, F. (2007). *Material Civilization, Economy, and Capitalism, Fifteenth and Eighteenth Centuries*. T. 1: *Structures of Everyday Life: Possible and Impossible*. Ves Mir. (In Russian).
- Coccia, E. (2020, April 21). *Reversing The New Global Monasticism*. Fall semester.
<https://fallsemester.org/2020-1/2020/4/17/emanuele-coccia-escaping-the-global-monasticism>
- De Certeau, M., & Kosmarsky, A. (2008). Around town on foot. *Sociological Review*, 7(2), 24–38. (In Russian).
- Eco, U. (2006). *Missing Structure: Introduction to Semiology*. Symposium. (In Russian).
- Glazychev, V.L. (1984). *Social and Environmental Interpretation of the Urban Environment*. Nauka. (In Russian).
- Goncharenko, N. M. (2020). The City in the Art of Italy in the First Half of the 20th Century: Not Only Futurism. *Art of Eurasia*, 1, 239–261. <https://doi.org/10.25712/ASTU.2518-7767.2020.01.018> (In Russian).
- Kurnyi, V. A. (2014). *Urban culture*. PostScience. <https://www.youtube.com/watch?v=Pqz-sqDbTmo> (In Russian).
- Markov, B. V. (1999). *The Temple and the Market. Man in the Space of Culture*. Aletheia. (In Russian).
- Marx, K. (1974). *The Economic and Philosophical Manuscripts of 1844*. In *Works* (Vol. 42, pp. 41–174). Politizdat. (In Russian).
- Nikolaeva, J. V., & Troitskaya, A. A. (2020). Discourse on Identity as a Way of Understanding Urban Space. *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 11–28. <https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.1128> (In Russian).
- Nikolaeva, J. V., Troitsky, S. A., & Tsarev, A. O. (2018). Identity Problems in the Zones of Cultural Exclusion of the Urban Environment. *Studia Culturae*, 37(3), 92–111. (In Russian).
- Nikolaeva, Zh., & Troitskiy, S. (2018). An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones: An Analytical Overview of Recent Concepts. *Rivista Di Estetica*, 67, 3–19. <https://doi.org/10.4000/estetica.2482>
- Pirni, A. (2020). Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces. *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 29–39. <https://doi.org/10.46539/jfs.2020.1.2939>
- Pirni, A., & Nikolaeva, Zh. (2019). *Confini e zone di esclusione nella civiltà urbana contemporanea. Spunti per una riflessione interdisciplinare [Boundaries and zones of exclusion in contemporary urban civilization. Suggestions for an interdisciplinary reflection]*. Cosmopolis. <https://www.cosmopolisonline.it/articolo.php?numero=XV122018&id=14> (In Italian).

- Savenkova, E. V. (2007). The City: A History of Alienation. *Vestnik of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology*, 1, 82–92. (In Russian).
- Sedov, V. V. (2010). *Architectural Futurism. Paolo Martellotti's view*. MUAR. (In Russian).
- Siddy, N. (2018). The City of the Proto-Digital Era. *Studia Culturae*, 37, 154–163. (In Russian).
- Streltsova, A. (2018). Ghost Towns of the Beliche Valley. *Art Journal*, 4. <https://iskusstvo-info.ru/prizrachnye-goroda-doliny-beliche/> (In Russian).
- Trubina, E. G. (2011). *The City in Theory: Experiments in Making Sense of Space*. *New Literary Review*. (In Russian).
- Ulansky, A. A. (2019). The Architecture of Italy in the Propaganda Policy of the Fascist State. *Manuscript*, 1, 162–165. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.34> (In Russian).
- Vakhshtayn, V. S. (Recognized as a Foreign Agent Media) (2014). Reassembling the City: Between Language and Space. *The Sociology of Power*, 2, 9–38. (In Russian).
- Virno, P. (2013). *Grammar of the Multitude: Toward an Analysis of the Forms of Modern Life*. Ad Marginem. (In Russian).
- Vyazemtseva, A. A. (2018). The Unbuilt Rome of Benito Mussolini. *Art Journal*, 3. <https://iskusstvo-info.ru/nepostroennyj-rim-benito-mussolini/> (In Russian).